

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА И ВЛАСТЬ НА ВЫБОРАХ В АН СССР 1928–1929 гг.

© 2021 г. В. Г. Ананьев^а, *, М. Д. Бухарин^б, **

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^б Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

*E-mail: v.ananef@spbu.ru

** E-mail: michabucha@gmail.com

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

После доработки 08.02.2021 г.

Принята к публикации 15.02.2021 г.

Статья посвящена одному из самых драматичных эпизодов в истории Российской академии наук, связанных с взаимодействием академической науки и государственной власти, — выборам в АН СССР в 1928–1929 гг. Включение в состав академии коммунистов рассматривалось властью как важный шаг на пути советизации главного научного учреждения страны. Провал трёх кандидатов-коммунистов вызвал скандал. В статье представлены сохранившиеся в Партийном архиве Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) материалы бесед журналиста “Известий” Б.М. Левина с академиками, направленные им С.М. Кирову. Вероятно, содержащиеся в них сведения учитывались властью при выработке последующей политики в отношении академии.

Ключевые слова: Академия наук, выборы 1928–1929 гг., идеология, история науки, советская наука.

DOI: 10.31857/S0869587321040022

Приближающийся 300-летний юбилей Российской академии наук актуализирует проблемы, связанные с развитием науки в России. В свете грядущего юбилея и ввиду резких трансформаций, которые в последние годы переживает Академия наук, особое внимание привлекают собы-

тия почти вековой давности, в чём-то похожие на нынешние. Взаимоотношения Академии наук и органов государственной власти, независимость научной среды и допустимость прямого вмешательства властей в руководство наукой, формирование списочного состава Академии наук на выборах, организация издания научных трудов — где публиковать, на каком языке, роль широкой общественности в формировании научной повестки дня — эти вопросы были актуальны на рубеже 1920–1930-х годов. Наши знания о том, как преодолевались возникавшие трудности, в какой-то степени могут облегчить решение аналогичных проблем сегодня.

Изучение взаимоотношений академии и власти в 1920–1930-х годах, начатое ещё в 1980-е годы в трудах Ф.Ф. Перченка, как правило, шло либо с опорой на источники, происходившие из властного лагеря и передававшие официальную риторiku господствующего курса, либо с учётом многочисленных дневников, записок, частной переписки, не предполагавших публичной трансляции. В данной публикации мы хотели бы привлечь внимание к материалам, которые хотя и отложились в фонде Ленинградского обкома

АНАНЬЕВ Виталий Геннадьевич — доктор культурологии, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ. БУХАРИН Михаил Дмитриевич — академик РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН.

КПСС в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, однако отражают точку зрения самих академиков, сформулированную для советской прессы. Выборка из этих материалов, полное издание которых остаётся делом будущего, представляется интересной для более объёмного видения одного из самых драматичных эпизодов в истории Академии наук.

Как известно, постановлением Центрального исполнительного комитета СССР и Совета народных комиссаров СССР от 27 июля 1925 г., приуроченным к 200-летию юбилею создания академии, Российская академия наук, переименованная в Академию наук СССР, была признана “высшим учёным учреждением Союза ССР”. При этом репрессивный механизм по отношению к бывшей Императорской академии наук не останавливался даже в те редкие годы (1925–1927), когда, казалось бы, диалог с властью налаживался. Курс на советизацию академии, разбавление “бывших” академиков новыми – коммунистами, в том числе выдвинутыми широкими кругами общественности, был лишь мягкой альтернативой жёсткому курсу на уничтожение Академии наук, которого, в частности, придерживался М.Н. Покровский (1868–1932), с мая 1918 г. занимавший должность заместителя наркома просвещения. Он был одним из организаторов в 1918 г. Социалистической академии, в 1924 г. преобразованной в Коммунистическую. Комакадемия и по формальным признакам, и по фактическому размаху деятельности претендовала на лидирующее положение в организации науки. В число коммунистических академиков входили среди прочих И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.И. Рыков и другие государственные и партийные деятели.

Ещё одним “конкурентом” академии наук была созданная в 1919 г. на базе Археологической комиссии Российская академия истории материальной культуры (с 1926 г. – Государственная, ГАИМК), которую возглавлял близкий к власти, прежде всего к Сталину, академик Н.Я. Марр (1865–1934). ГАИМК обладала значительным материальным ресурсом и наравне с Комакадемией претендовала на ведущие позиции как в области общественных наук, так и в области наук точных, естественных и инженерных.

Дальнейшие события показали, что влияние обеих академий – Коммунистической и ГАИМК – в определённой степени зиждилось на административном ресурсе их руководителей. Уход из жизни М.Н. Покровского и Н.Я. Марра значительно ослабил роль обеих структур в формировании научной политики в стране. В 1936 г. учреждения Комакадемии были переданы АН СССР, а в 1937 г. и ГАИМК, работа которой фокусировалась на историко-археологических исследовани-

ях, также вошла в состав АН СССР на правах научно-исследовательского института.

Институциональный хаос, господствовавший в научной среде в СССР, к середине 1930-х годов стал слишком заметен и обременителен. Необходимость упрощения структуры научных учреждений, реформирования управления наукой, реализации масштабных проектов практически во всех отраслях знания привела к тому, что ставка в реализации научной политики в СССР была сделана на одну академию – АН СССР.

На рубеже 1920–1930-х годов, однако, расклад сил был не явным. Непременный секретарь АН СССР академик С.Ф. Ольденбург (1863–1934) – главный переговорщик с властью – в октябре 1929 г. после отправки телеграммы с соответствующим указанием за подписью А.И. Рыкова [1, с. 319] был отстранён от должности. Президент АН СССР академик А.П. Карпинский (1846–1936), будучи в преклонном возрасте, должным административным ресурсом не обладал. Влияние АН СССР во многом держалось на авторитете академии как научного учреждения с 200-летней историей и как визитной карточки советского государства на международной арене, предьявленной зарубежной общественности в ходе празднования её юбилея в 1925 г., а также на авторитете бывших императорских академиков (В.И. Вернадского и И.П. Павлова), имевших международную известность. Академии приходилось бороться за существование, и эта борьба стоила многих жертв. Летом 1928 г. заведующий Отделом научных учреждений СНК Е.П. Воронов высказался об этом недвусмысленно: “Правительство 10 лет ждало и дало много авансов, но на 11-м году оно поступит с Академией наук по-своему. Академия наук не сумела понять и занять то положение, которое она должна занять в Советском государстве” [2, с. 580, 581].

В этой связи в начале августа 1928 г. Центральным комитетам партии союзных республик, крайкомам и обкомам была направлена секретная директива ЦК ВКП(б) с характерным названием “О негласном вмешательстве в кампанию по выборам в Академию наук СССР” [3, с. 1034]. “Эти выборы имеют большое значение. В результате их должно быть укреплено наше влияние в Академии Наук, – говорилось в директиве, причём именно с укреплением партийно-государственного влияния связывался успех деятельности АН СССР, – и Академия Наук должна быть на деле превращена в центр научной мысли Союза, имеющий в своём составе наиболее квалифицированных и связанных с социалистическим строительством учёных и полностью обслуживающий социалистическое строительство нашей страны”. Далее директива предписывала проведение ряда пропагандистских мероприятий, в результате ко-

торых часть кандидатов должна быть очернена, а другая — получить поддержку в глазах широкой общественности. Показательна завершающая часть директивы: “В целях сохранения конспиративности решительно рекомендуется избегать при проведении этой работы переписки, широких инструктированных и т.п., ограничиваясь личными переговорами и указаниями”. В приложении к директиве прилагался список желательных кандидатов, в числе которых среди прочих значились А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче.

Выборы по отделениям АН СССР состоялись 12 декабря 1928 г., и их результат не казался сенсационным. К тому моменту усилиями С.Ф. Ольденбурга и В.М. Истрина, определённо, по поручению сверху, в Отделении гуманитарных наук была проведена соответствующая подготовительная работа по фактическому запугиванию голосующих [4, с. 151]. Неожиданности случились на Общем собрании АН СССР 12 января 1929 г., которое должно было утвердить результаты выборов. Среди вновь избранных академиков оказались и представители коммунистического ядра — Н.И. Бухарин, И.М. Губкин, Г.М. Кржижановский, М.Н. Покровский, Д.Б. Рязанов, однако А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче избраны не были. В тот же день президиум АН СССР принял решение провести дополнительное голосование по кандидатурам трёх забаллотированных с участием уже избранных академиков [5, л. 2]. Это решение президиума обсуждалось на Общем собрании АН СССР 17 января 1929 г.: из 41 голоса 28 было подано “за”, 4 воздержались, 9 — “против” (И.П. Бородин, Б.Я. Владимирцов, Е.Ф. Карский, П.А. Лавров, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, Б.М. Ляпунов, И.П. Павлов, Д.М. Петрушевский, П.Н. Сакулин). Постановлениями от 21 и 24 января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило просьбу Академии наук о проведении дополнительных выборов [6, с. 55, 56].

Вопрос о деятельности Академии наук в начале февраля 1929 г. обсуждался на особом заседании Совнаркома. В.В. Куйбышев и Г.И. Петровский выступили с требованием ликвидировать академию. Куйбышев, в частности, заявил, что против академии надо действовать “огнём и мечом” [7, с. XX—XXI]. Было принято решение, в нарушение академического устава, произвести перебаллотировку с участием вновь избранных академиков. На состоявшемся 13 февраля 1929 г. экстраординарном Общем собрании трое провалившихся кандидатов были всё же избраны академиками [8, с. 146—153].

Насыщение кадрового состава АН СССР членами ВКП(б) в целом и доизбрание в академики группы Деборина, Лукина и Фриче в какой-то мере определило стабильное течение нового кур-

са в отношении Академии наук. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) “Об Академии наук” от 29 февраля 1929 г. говорилось: “Задача по отношению к Академии наук состоит не во взрыве этого учреждения, а в длительной переделке” [6, с. 57].

В истории с развитием государственного диктата во время выборов 1928—1929 гг. ещё немало белых пятен. Для руководителей советского государства исход выборов и провал трёх кандидатов оказался неожиданным и, определённо, *modus operandi* был разработан не сразу. Как показывают документы, приводимые ниже, кураторы Академии наук провели зондаж мнений внутри самой академии, для чего опросили академиков.

Одним из кураторов АН СССР был С.М. Киров — первый секретарь Ленинградского губернского комитета (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Участие Кирова в решении судьбы АН СССР неудивительно: до 1934 г. руководящие органы Академии наук располагались в Ленинграде. Именно Киров разрабатывал линию поведения по отношению к Академии наук перед выборами 1928 г., которые проходили в свете так называемого дела С.А. Жебелёва. Академик Жебелёв был обвинён в сотрудничестве с эмигрантским изданием “*Seminarium Kondakovianum*”, поддержании дружеских контактов с учёными-эмигрантами, в том числе с академиком М.И. Ростовцевым — выдающимся историком, археологом, искусствоведом широкого профиля. С.А. Жебелёв был вынужден написать покаянное письмо, однако ленинградские власти разработали следующий план, который был изложен в письме Кирова к А.С. Енукидзе от 28 ноября 1928 г.: “Письма Жебелёва до выборов не печатать, никакого решения пока о нём не выносить, держать его и Академию до выборов под угрозой возмездия Жебелёву за его поступок. Это будет лучшим нажимом на академиков во время выборов” [9, с. 232]. Именно Киров получал результаты опроса членов академии, который начался практически сразу после выборной кампании 12 января 1929 г.

Важность документов, публикуемых ниже, состоит в том, что они закрывают событийную лаку между Общим собранием АН СССР 17 января и решением Политбюро ЦК ВКП(б) 21 января 1929 г. Речь идёт о материалах опроса членов АН СССР относительно неизбрания в действительные члены АН СССР А.М. Деборина, Н.М. Лукина и В.М. Фриче, который проводил писатель и журналист “Известий” Б.М. Левин (1899—1940).

Едва ли члены Политбюро опирались в своём решении непосредственно на данные, которые поступили Кирову от Левина, тем не менее очевидно, что партийно-государственная верхушка действовала в вопросе о довыборах Деборина, Лу-

кина и Фриче с оглядкой на мнение членов Академии наук.

Академик И.М. Виноградов (1891–1983), как сообщает автор докладной записки, не желал принимать участие в опросе и занимал жёсткую позицию в отношении трёх неизбранных кандидатов: при голосовании он воздержался и высказался против постановления президиума АН СССР от 17 января 1929 г. С одной стороны, он полагал, что избрание Деборина не станет позором для академии и, как показали дальнейшие события, был прав: А.М. Деборин прожил трудную, насыщенную событиями жизнь в науке, два десятилетия балансируя на грани. С другой стороны, и академическую оппозицию власти в лице И.П. Павлова академик Виноградов поддержать не захотел. Показательно, что, сделав стремительную административную карьеру, он сам так и не вступил в Коммунистическую партию. В дальнейшем высказался за то, чтобы судьбу избрания Деборина, Лукина и Фриче решало само Отделение гуманитарных наук. Итоговый же результат он объяснил тем, что академики-гуманитарии резко изменили своё мнение на Общем собрании.

Академик В.А. Кистяковский (1865–1952) предстал в образе типичного советского учёного, на которого вполне можно было положиться в кризисной ситуации. Результаты выборов он назвал “безобразием” и высказался за соглашение между научными требованиями к кандидатам и пожеланиями широкой общественности.

Академик Н.П. Лихачёв (1862–1936) отметил, что итог выборов стал неожиданным для членов Отделения гуманитарных наук.

Академик П.К. Коковцов (1861–1942), выступивший лидером партии пуристов на выборах 1927 г. [10, с. 1–77], постарался уйти от разговора по существу, переведя беседу на личность С.А. Жебелёва и обвинения, выдвинутые против него в ходе предыдущей кампании. Итог выборов он объяснял разными факторами: случайностью, поступлением свежих данных перед голосованием или мнением представителей других дисциплин (членов Отделения физико-математических наук). В ходе кампании запугивания в декабре 1928 г. Коковцов предлагал лояльность академии в обмен на гарантии со стороны государства (речь шла о защите жилплощади академиков от уплотнений [4, с. 151]), однако услышан он не был.

Академик С.А. Жебелёв (1867–1941), несмотря на избрание в 1927 г., переживал в конце 1920-х годов один из наиболее тяжёлых периодов в своей жизни. Над ним висел дамоклов меч расправы в ходе его собственного дела. Как утверждал академик Коковцов, С.А. Жебелёв был одним из четырёх членов академии, которых должны были исключить в случае неповиновения академиков в

ходе выборов [там же]. Случившееся на Общем собрании, определённо, стало для Жебелёва неожиданностью, он был склонен переложить ответственность за решение Общего собрания на Отделение физико-математических наук. Об исключительности ситуации говорит и тот факт, что вспомнить подобные случаи из истории академии сам он не смог.

В настоящий момент положение Российской академии наук выглядит ещё более угрожающим, чем в конце 1920-х годов. Столетие назад государство, реформировав академию наук “огнём и мечом”, всё же оставило за ней права и обязанности, которые позволили академии, пусть и под контролем партийных и советских органов, разрабатывать и реализовывать научную политику в стране. Сегодня, за несколько лет до 300-летнего юбилея РАН, место Академии наук в научной политике низведено до уровня одного из тысяч учреждений, которое фактически отвечает лишь за проведение экспертизы отчётов по мелким проектам. Материалы по истории науки, в первую очередь по истории Российской академии наук, формированию и реализации научной политики в СССР, особенно в наиболее трудные годы, явно показывают, что высших результатов в науке страна добивалась тогда, когда полностью использовался организационный потенциал АН СССР, когда во главе науки стояли учёные, а не угодные властям горе-реформаторы.

ЗАПИСИ БЕСЕД ЖУРНАЛИСТА Б.М. ЛЕВИНА С АКАДЕМИКАМИ

19 января 1929¹

Многоуважаемый тов. Киров!

Считаю своим партийным долгом, по мере получаемых мною новых данных, ставить Вас в известность.

С коммунистическим приветом

Б. Левин²

Не для печати

¹ На бланке:

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Всероссийского комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Северо-западное областное отделение редакции Ленинград, Пр. 25-го Октября, 6а. Тел. 5-29-63

² Здесь и далее орфография и пунктуация документов сохранены.

АКАДЕМИК ВИНОГРАДОВ И.М.
(вновь избранный)³

При первой моей просьбе, обращённой к нему в Политехническом институте, Виноградов беседе дать отказался. На следующий день я приехал к нему на квартиру. Сначала также отказывался, однако, после долгой беседы на частные темы, между прочим, отвечал кое на какие вопросы и относительно выборов. Только после этого удалось уговорить его зафиксировать высказанные им мысли, после чего он в блокноте у меня под беседой расписался.

Отметил, что при голосовании на последнем Общем собрании воздержался, но по существу был против предложения президиума. От забаллотированных кандидатов отзывался как “о дряни”, которая будет позорить Академию наук.

— Откровенно говорю, — сказал он, — что в предстоящих выборах буду голосовать против Фриче и Лукина. На счёт Деборина, пожалуй, положу белый. Знакомая дама из Москвы, сотрудник Кремля, говорила, что его уважают, а первых двух — над ними просто смеются. Я считаю, что они действительно будут позорить Академию наук.

Между прочим, в беседе отзывался отрицательно о действиях Павлова и некоторых других академиков, игнорирующих правительство и вообще СССР, что выражается хотя бы в напечатании своих трудов раньше в десятках стран за границей и только потом в СССР. Подчеркнул, что свои труды он издает раньше всего на русском языке.

АКАДЕМИК КИСТЯКОВСКИЙ В.А.
(вновь избран)⁴

Самое благоприятное впечатление, как о советском учёном. Полная готовность и желание ответить на все вопросы, которые может ему задать общественность. По поводу забаллотирования Деборина, Фриче и Лукина выразился “безобразие”, считая, что таким образом наука отходит от ответственности и становится схоластичной, никчемной [12, л. 350].

Общеизвестно, что список кандидатов в Академию наук СССР представляет результат очень серьёзной и продолжительной работы, благодаря которой было достигнуто соглашение между формально-научными требованиями и требованиями широкой советской общественности.

Недополучение тремя кандидатами достаточного числа голосов для ФОРМАЛЬНОГО избрания в академики нарушило это соглашение. Постановление президиума Академии наук — войти

с представлением в Совнарком СССР о предложении кандидатуры упомянутых трёх кандидатов непосредственно Общему собранию Академии Наук в новом составе, стремиться, возможно, скорее восстановить нарушенное равновесие между научными и общественными требованиями.

В случае соответствующего постановления Совнаркома и избрания упомянутых трёх кандидатов Общим собранием, они войдут в состав действительных членов Академии Наук на равных с прочими академиками основаниях.

Мы, новые академики, по моему глубочайшему убеждению, будем только приветствовать избрание лиц, не получивших пока достаточного количества голосов, в действительные члены Академии наук.

АКАДЕМИК ВИНОГРАДОВ И.М.

Конечно, было бы лучше, если бы перебаллотировка происходила сначала в отделениях, а затем в Общем собрании. Однако, поскольку есть постановление Общего собрания Академии наук, то будем баллотировать сразу в Общем собрании, минуя отделение.

Я считаю, что наиболее компетентно в кандидатурах лиц, не получивших достаточного количества голосов, само отделение гуманитарных наук. А так как в первом голосовании на отделении эти кандидатуры прошли почти единогласно, следовательно и для всей Академии наук вхождение этих лиц в число действительных членов Академии можно считать приемлемым.

О причинах же расхождения в результатах голосования на Общем собрании и в отделении, я полагаю, что могли изменить своё мнение по тем или иным мнениям сами гуманитарии.

Подобное положение мы имеем во ВТУЗ'ах, когда кандидатов на кафедры голосуют сначала в предметной комиссии, потом в факультете и только затем в Совете. Однако, если выдвинутый кандидат рекомендован и прошёл через отделение, то Совет голосует в большинстве случаев лишь формально, утверждая выдвинутые кандидатуры. Лишь в редких случаях — за последнее столетие мы имеем таких 1–2, мы наблюдали факты, когда Совет отвергал кандидатуры, предложенные факультетом, выражая ему таким образом недоверие, так то случилось и в Академии наук.

АКАДЕМИК ЛИХАЧЁВ

Впечатление от беседы с Лихачёвым осталось такое, что сами гуманитарии растерялись после этого случая. Лихачёв сам предложил написать своё мнение, которое он отредактировал, видимо, после предварительных обсуждений со своими коллегами.

³ Вписано от руки.

⁴ Вписано от руки.

АКАДЕМИК КОКОВЦЕВ⁵

Академик Кокковцев всячески пытался перевести беседу на “частный разговор” и просил не предавать гласности его мнение. Он, между прочим, рассказал о таком случае: года 2 тому назад в Академии баллотировался один специалист по классической филологии, Кокковцев, давая о нём отзыв, привёл точные данные, что плагиатор. Несмотря на это плагиатор был избран и в Отделение, и в Общем Собрании в Члены Академии Наук. Речь идёт о Жебелёве [12, л. 350–352].

АКАДЕМИК С.А. ЖЕБЕЛЁВ

Положение создалось явно ненормальное. Кандидаты, получившие положительную оценку в отделении гуманитарных наук, всё же не были избраны Общим собранием. Как это могло произойти? Голосование было тайным и высказываться о том, изменил ряд академиков при последнем голосовании своё первоначальное мнение о достоинстве избранных ими кандидатур или же этот результат можно приписать отрицательному мнению представителей иных дисциплин, — крайне затруднительно. Возможно и то, и другое.

Однако, “неувязка”⁶, о которой говорится в постановлении президиума Академии наук налицо, и по поводу её нельзя не высказать недоумение. Выборам в Общем собрании предшествовала длительная процедура. Баллотировались учёные. О них были соответственные отзывы. Они проходят в Отделение, апробированы специалистами данной дисциплины или смежной и всё же на Общем собрании не получают формального большинства. Если предположить, что лица, избранные Отделением гуманитарных наук, не получили большинства 2/3 голосов ввиду отрицательного мнения представителей иных дисциплин, то, мне кажется, что эти последние, как не специалисты, в данном случае, берут на себя большую ответственность.

Были ли в истории Академии подобные расхождения в голосовании отделений и Общего собрания? Я в Академии сравнительно недавно, и в мою бытность действительным членом Академии наук, таких случаев не было. Раньше, кажется, бывало [12, л. 382].

⁵ Здесь и далее в документе фамилия академика П.К. Кокковцова написана с ошибкой в окончании.

⁶ Данная формулировка использовалась в статье А.В. Луначарского «“Неувязка” в Академии наук», опубликованной в “Известиях” 5 февраля 1929 г., в которой был поставлен вопрос о радикальной реформе АН СССР.

АКАДЕМИК П.К. КОКОВЦЕВ

Что есть истина? Я — скептик — ученик Ренана. Истинное может казаться неправдоподобным, говорил Ренан. Чем объясняется расхождение результатов баллотировки в Общем собрании и в Отделении? Трудно сказать. Полагаю — психологией отдельных лиц, которые способны руководствоваться различными соображениями. В выборах всегда могут быть случайности. Могли быть влияния и положительные, и отрицательные. Действия людей так сложны. Я допускаю мысль, что отдельные академики при последнем голосовании могли изменить своё первоначальное мнение о достоинстве избранных ими кандидатур, получив какие-либо дополнительные данные. В этом я не вижу ничего зазорного. Вспоминаю случай с известным хирургом, профессором Павловым, выступившим в качестве эксперта на процессе Белиса, куда я также был вызван. Проф. Павлов изменил свой взгляд в течение одной ночи. Представитель обвинения пытался тогда всячески заподозрить этого крупного человека, правая печать повела против Павлова травлю.

Возможно, приписать результаты выборов также и отрицательному мнению представителей других дисциплин. Члены другого отделения не лишены права контроля при окончательном голосовании. Странность и непонятность “неувязки” заключается именно в том, что в отделениях кандидаты прошли громадным большинством [12, л. 388].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Время Ольденбурга. Post factum. I. Е.Г. Ольденбург и академическое сообщество в деле сохранения научного наследия академика С.Ф. Ольденбурга // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2019. № 3 (68). С. 318–329.
2. *Покровский М.Н.* К отчёту о деятельности Академии наук за 1926 год / Публ. Д. Рейзлина, М. Юрьевой // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб.: Феникс-Атенеум, 1992. С. 580–599.
3. *Познанский В.С., Малышева М.П.* Партийное руководство Академией наук. Семь документов из бывшего архива Новосибирского обкома КПСС // Вестник РАН. 1994. № 11. С. 1033–1044.
4. *Кокковцев П.К.* Для установления истины / Публ. и коммент. А.А. Долининой // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. С. 151–156.
5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 128. Л. 2.
6. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991/1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000.
7. Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В.П. Леонов. Вып. 1. Дело по об-

- винению академика С.Ф. Платонова. СПб.: БАН, 1993.
8. *Соболев В.С.* Нести священное бремя прошедшего...: Российская академия наук. Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012.
 9. *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* “Академия рискует остаться без Галилея, а Галилей будет отдан под надзор как сомнительный элемент”: академик С.Ф. Ольденбург как зеркало русской академической науки конца 1920–начала 1930-х гг. // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. Т. 9. М.: Наука, 2020. С. 230–250.
 10. *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Избрание С.А. Жебелёва в действительные члены АН СССР // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. V. 12. № 1. P. 5–74.
 11. *Летопись Российской академии наук. Т. IV* / Под ред. Э.И. Колчинского, Г.И. Смагиной. СПб.: Наука, 2007.
 12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 1-б. Д. 6. Л. 350–352, 382, 388.